

Н.Н. Петрухинцев (Липецк)

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИНОЗЕМНОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РОССИИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА*

Как известно, в XVII в. иноземные офицеры сыграли существенную роль в создании полков «нового строя» и длительное время оставались весомой частью офицерского корпуса России. Однако история этой «иноземной» части российского офицерства известна все еще недостаточно. До сих пор одним из наиболее значимых трудов в этой области остается сжатый исторический очерк А.З. Мышлаевского¹. Появившиеся в последнее время работы (в частности, исследования С.П. Орленко, А.В. Малова, Т.А. Оларинной, Т.А. Лагтевой²) начинают заполнять обозначившийся пробел и вносят много ценного в понимание истории формирования корпуса офицеров-иноземцев, однако общие тенденции его развития все еще рисуются достаточно смутно. Но все же ряд архивных источников позволяют частично продвинуться в его изучении.

В нашем распоряжении имеются два списка иноземных офицеров, относящихся к 1681 г. и 1701 г., то есть разделенных практически двадцатилетним промежутком. Оба они относятся к переломным моментам в истории России и являются памятниками «времени реформ». Один принадлежит ко времени завершения реформ Федора Алексеевича, частично изменивших военную организацию России, и был составлен сразу по окончании русско-турецкой войны 1673–1681 гг., в ходе военно-административной реформы 1680 г., намечавшей деление страны на военно-административные

* Статья подготовлена при поддержке стипендии фонда Герды Хенкель и Германского исторического института в Москве

округа-разряды³. Второй относится к периоду начала строительства Петром сухопутной регулярной армии и появился в обстановке первых военных реформ (1699–1700), которые только начали менять военную структуру страны и пока еще не успели кардинально затронуть иноземный офицерский корпус (уже потрясенный Нарвой). Сопоставление данных этих списков помогает представить нам состояние иноземного офицерского корпуса России к началу царствования Петра I и общие тенденции его развития в предшествующий двадцатилетний период – от начала царствования Петра до начала Северной войны. К сожалению, представить в общих чертах, так как списки далеко не полны. Они включают лишь часть иноземного офицерского корпуса России.

Оба списка являются частью финансовой документации приказов и учитывают офицеров в связи с проблемой выплаты им жалованья.

Первый из них давно известен в историографии и указан еще П.Н. Милоковым, затем несколько нескритически и частично использовался А.В. Черновым⁴ и некоторыми другими исследователями. Точнее, это не общий список, а набор отдельных поранговых списков офицеров, разбросанных среди другой документации Иноземного приказа⁵. Они сведены нами в единый комплекс. Условно назовем его «Списком 1681 г.», хотя он относится к сентябрю – концу января «190-го года», то есть, строго говоря, к 1681–1682 гг.

«Список 1681 г.» составлен по двум основным группам офицеров. Первая – офицеры Московских полков, ведомые непосредственно в Иноземном приказе и состоящие в основной ведомости на жалованье из него. Вторая – «демобилизованные» офицеры, снова направленные по окончании последней кампании русско-турецкой войны в Иноземский приказ из ведомства Разряда (в первую очередь, офицеры белгородских полков, проходившие службу в Белгородском разряде и, видимо, во время войны получавшие жалованье из него), а теперь возвращаемые на службу в Москву (и на жительство в Иноземную слободу) и, соответственно, требующие теперь жалованье из Иноземского приказа. Если вопрос о выплате жалованья «московским» офицерам был решен еще в сентябре 1681 г., то «белгородцы», возвратившиеся в Москву по окончании кампании, видимо, не ранее поздней осени, поставили вопрос о жалованьи уже в январе 1682 г. и тогда же были удовлетворены в своей просьбе и, соответственно, учтены в приказной документации.

Жалование им определялось отдельным указом (хотя и на основе тех же принципов, что и «московским») и выдавалось по отдельным «ведомостям», составленным по офицерским рангам, каждую из которых предваряла отдельная челобитная лиц этого ранга (полковников, майоров, ротмистров и т.д.) с просьбой о выдаче жалованья. Данные челобитных и справки Иноземского приказа о действительности службы челобитчиков и послужили для нас основным источником по восстановлению структуры и персонального состава части иноземного офицерского корпуса времен конца царствования Федора Алексеевича. Учтенные нами по фамилиям офицеры охватывают не все ранги (в московских полках – до прапорщика, в белгородских – до капитана), таким образом, мы имеем дело с выборкой, однако с выборкой достаточно репрезентативной и почти сопоставимой с данными 1701 г., так как последние также не позволяют учесть наименьший состав офицеров в основном в ранге до поручика.

Номинально в списках учтено 383 офицера в московских полках (включая двух отставных) и 248 – в белгородских⁶. Всего 631 офицер. Исследователи обычно ограничиваются данными «московской» части списка, в связи с чем иногда делают выводы о резком сокращении числа иноземных офицеров по окончании русско-турецкой войны, чего в действительности, видимо, не было. Однако даже «сводный» список из 631 офицера явно не охватывает весь иноземческий офицерский корпус, поскольку за его пределами, видимо, оказалась часть иноземных офицеров, еще ведомых на тот момент в территориальных разрядах и приказах России. Вероятно, он не включает тех офицеров, которые остались нести службу в Белгородском разряде (точнее, в группе южных разрядов – Севском, Северском, Белгородском и Тамбовском), а также в Новгородском и Казанском разрядах, Малороссийском приказе. Список, в частности, не содержит имени хорошо известного нам Патрика Гордона, который находился на Украине и в тот момент был уже генерал-майором, – и, вероятно, имен еще целой группы иноземных офицеров, в том числе и значимой части лиц в штаб-офицерских рангах. Но встречающимся в деле упоминаниям мы могли бы добавить еще, как минимум, три-четыре десятка офицеров, не попавших в наш «московско-белгородский» список – в частности, 23 офицера, тоже возвращенных осенью 1681 г. из ведомства Малороссийского приказа в Иноземный⁷. Таким образом,

иноземный офицерский корпус России насчитывал ко вступлению на престол Петра I, вероятно, по меньшей мере 700 иноземных офицеров.

Из отмеченных в номинальном списке 631 офицера нами учтено по фамилиям 442 человека, то есть 70,05 % всех учтенных в списках офицеров, и, главное, практически все офицеры в штаб-офицерских рангах (от полковника до майора), что позволяет почти полностью охарактеризовать попавший в списки командный состав русской армии на полковом уровне. Если принять во внимание, что наибольшее известное нам за XVII в. число иноземных офицеров составило на 1696 г. 924 человека⁸, то в нашем списке учтена по именам, вероятно, как минимум, половина иноземного офицерского корпуса России начала 1680-х гг. Такая выборка, вероятно, достаточно репрезентативна, чтобы проследить общие тенденции в состоянии офицерского иноземного корпуса России.

Эти 442 офицера поделены нами на группы по условной этнико-географической принадлежности (офицеры с «западноевропейскими» и «незападноевропейскими» фамилиями). Представители второй группы имеют по преимуществу славянские фамилии, и большинство их, видимо, происходит из Литвы и Польши, но она включает также и часть неславянских фамилий с греческими, восточными мусульманскими и другими корнями. Деление условно, так как основано на внешних экспертных оценках фамилий, в связи с чем в «славянские» могут быть занесены и некоторые западноевропейские фамилии (так, в частности, один из капитанов-новокрещенов с фамилией Романовский носит имя «Иван, Кашширов сын», а французский офицер Жан де Грон превратился в 1652 г. при крещении в Антония Грановского⁹). Тем не менее, при всей вероятности отдельных ошибок, такое деление позволяет в общих чертах оценить тенденции в развитии и общую структуру «иноземной части» офицерского корпуса России, в котором явно преобладали выходцы из Западной Европы.

К «западноевропейцам» принадлежат представители 208 из 338 фамилий (61,54 % фамилий) и 301 офицер из учтенных 441 (68,1 %), то есть более двух третей учтенных иноземных офицеров. Это говорит и о более прочной почве «западноевропейцев» для укоренения в офицерском корпусе: средний коэффициент представителей на одну фамилию составляет для них 1,44 человека на фамилию. По меньшей мере, 64 «западноевропейских» фамилии (30,8 %)

имеют в армии двух и более представителей; 20 из них (9,6 %) более трех офицеров (по три человека - Бордовики, Буши, Вестовы, Вульфы, Девсоны, Камбели (Камолы), Клеры, Крейки, Кро, Лоронты, Рейтары, Трауэрнихты, Фан Вердены, Шневенцы, Шульцы; от четырех до шести - Гамонтоны, Гулицы, Кары, Франки, Шарфы). Конечно, среди них могут быть и однофамильцы, но в общем наши данные отражают определенную тенденцию - «западноевропейцы» уже образуют семейные кланы, имеющие больше шансов закрепиться и удержаться на службе.

Подобный же коэффициент для «славян» - 1,08 человека на фамилию, то есть основная масса лиц из этой второй группы представлена в основном одиночками. Только 11 фамилий из 130 (8,5 %) имеют по два представителя и ни одного - более двух. Последнее обстоятельство служит дополнительным фактором слабости «незападноевропейской» части офицерского корпуса, которая и так в структуре его составляет заметное меньшинство - 130 фамилий из 338 (38,5 % фамилий) и 141 офицера из 442 (31,9 % офицерского корпуса). Таким образом, «незападноевропейцы» составляли менее трети иноземного корпуса и занимали в нем гораздо менее прочные позиции.

Это видно и по структуре офицерских рангов (см. таблицы 1, 2, диаграммы 1, 2. Все таблицы и диаграммы см. в конце текста). При общей доле в офицерском корпусе почти в треть, «незападноевропейцы» дали всего 10 из 99 полковников и подполковников (10,1 %), их количество и удельный вес начинают расти в основном в обер-офицерских рангах, где в чинах от ротмистра до поручика они дали 83 из 200 офицеров (41,5 %). Это видно и на диаграмме 5, рисующей структуру чинов в среде «незападноевропейцев» в сравнении с аналогичной диаграммой 3 для «западноевропейских» офицеров. Так что уделом «незападноевропейцев» оставались в основном офицерские должности «ротного» плана с относительно невысокими доходами и статусом, что, вероятно, тоже не стимулировало желания прочно закрепиться на русской службе.

Сложившаяся ситуация отразилась и на результатах правительственной политики по «перекрещиванию» офицеров, как известно, активно проводившейся с 1653 г. и направленной на интеграцию иноземных офицеров в русское общество¹⁰ (ибо тогда главным критерием подданства было не понятие национальности, а православное вероисповедание).

Ядро верхушки проанализированной нами части иноземного офицерского корпуса (лиц, имеющих ранги от генерал-поручика до подполковника) составляли офицеры с западноевропейскими фамилиями (91 из 101 известных по именам из учтенных в списках, то есть 90,1 %), и лишь 12 человек из них (13,2 %, то есть чуть более чем *одна восьмая* часть высших офицеров из западноевропейцев) были крещены, в то время как среди 10 полковников и подполковников со славянскими (польскими и литовскими фамилиями) были крещены 7 человек (70 %). К сожалению, не все списки четко указывают новокрещенных в других офицерских рангах. Однако по достаточно достоверным данным, относящимся к группе «белгородских» офицеров-иноземцев, процент новокрещенных с неславянскими фамилиями среди западноевропейцев в этой группе заметно возрастал в рангах ротмистра и капитана (13 из 43 человек), то есть почти до трети (30,2 %). Но и после этого общее число «новокрещенных» в ранге от генерала до капитана (14 из 81 офицера) все-таки составляло 17,3 %, то есть менее *одной пятой* от «белгородских» офицеров-западноевропейцев в этих рангах. Доля «новокрещенных» среди «белгородцев» со славянскими фамилиями в тех же рангах, напротив, составила 71,4 % (20 из 28 человек). Таким образом, основную массу офицеров среди «новокрещенных-белгородцев» составили офицеры с «славянскими» фамилиями (почти две трети, 58,8 % всех новокрещенных), несмотря на то, что их доля в общем составе офицеров-«белгородцев» в этих рангах была относительно невелика и чуть превысила четверть (28 из 109 человек, то есть 25,8 %).

Офицеры с западноевропейскими фамилиями, скорее всего, составили и основную массу «новокрещенных» во всем иноземном офицерском корпусе России. Вероятно, роль сыграло и то, что, происходя в основном из Польши и Литвы, они были в большинстве своем католиками, что представлялось для русского общества менее терпимым, чем протестантизм части «немцев». Но, возможно, огромную роль сыграла и принадлежность к офицерским «низам», ибо именно для них крещение было более актуально, поскольку открывало возможность повышения в чине или сопровождалось денежной компенсацией («жалованьем за крещение»), составлявшей к началу 1680-х гг. для офицеров ротного звена уже значимую сумму (для прапорщиков – от 8 до 20 р., то есть примерно двухмесячное жалованье при окладе от 4 до 7 р. в месяц)¹¹. Одним из

примеров подобной мотивации служит челобитная французца Ивана (до крещения – Алферия) Яковлева сына Демедергиуса, пожалованного «в 189-м году» в Торонце после крещения в православие стольником и воеводой кн. Я.С. Борятинским в капитаны: «...а которые, Государь, моя братья крестились в православную христианскую веру, и те чинами повышены и твоим Великого Государя жалованием взысканы...», а потому «...вели, Государь, меня чином переменить, и свое государево жалованье за крещение выдать...»¹².

Но эти мотивы были все-таки менее действенны для офицеров-западноевропейцев. По подсчетам А.З. Мышлаевского, даже в 1696 г. «новокрещенные» составляли 455 из 794 иноземных офицеров, то есть 57,3 % (хотя общее количество офицеров-иноземцев определялось им в 924 человека), причем он тут же отметил, что они состояли «преимущественно из поляков и литовцев»¹³.

Элита иноземного офицерского корпуса России, состоявшая в основном из офицеров-западноевропейцев, несмотря на правительственные усилия, не спешила переходить в православие¹⁴, и, несмотря на то, что зачастую принадлежала к династиям, уже прочно осевшим в России, предпочитала сохранять свою религиозную идентичность и право возможного отъезда из России.

Как видно из таблицы 1 – 94,2 % полковников в 1681 г. принадлежало к западноевропейским фамилиям. Надо сказать, что офицеры-иноземцы составляли весомую часть высшего командного состава полков «иноземного строя» в России – даже наши неполные данные об иноземном офицерском корпусе в 1681 г. учли 52 полковника (номинально по двум спискам полковников-иноземцев должно было быть 55 человек). «Роспись переписная ратным людем...» 1680 г., по подсчетам А.В. Чернова, учла 41 солдатский и 26 копейных и рейтарских полков (по подсчетам А.З. Мышлаевского – 48 солдатских и 26 копейных и рейтарских)¹⁵, то есть в общей сложности к полкам «иноземного строя» накануне составления наших списков относились 67–74 полка (что почти эквивалентно не только по численности, но и по структуре будущей полевой армии Петра I – 42 полевых пехотных и 33 драгунских полка по табели 1711 г.¹⁶). Таким образом, иноземцы-полковники должны были составлять по меньшей мере 82 офицера – 74 % полковничьего корпуса полков «иноземного строя» в России.

К сожалению, мы не можем более точно установить внутренний этнический состав офицеров-«западноевропейцев», поскольку

наши списки не фиксируют их происхождение, да и в целом, как отмечали исследователи, даже в более широкой по тематике приказной документации происхождение фиксировалось нечасто¹⁷. Внешняя экспертная оценка фамилий позволяет говорить о достаточно значительной доле выходцев из Германии. Так, в частности, в высшем доступном на тот момент для иностранцев чине генерал-поручика и фактически у руководства корпусом иностранных офицеров находились в конце 1670-х гг. два немца – бывший комендант осажденного в 1677 г. Чигирина¹⁸ Афанасий Федорович Траурнихт и Франц Вульф (Ульф)¹⁹. Исследователи склоняются к выводу о преобладании немцев в офицерском корпусе второй половины XVII в., о чем свидетельствуют также наблюдения современников и преобладание лютеранских церквей в Немецкой слободе²⁰. Однако русские транскрипции иностранных фамилий не всегда дают представление об их реальном написании и звучании, и для действительно качественного анализа внутренней этнической структуры иностранного офицерского корпуса требуются точные сведения о происхождении основной массы лиц, которыми мы не располагаем.

Таковы некоторые общие характеристики иностранного офицерского корпуса к началу вступления на престол в 1682 г. (менее чем через полгода после составления вышеуказанных списков) малолетнего Петра I.

Но как изменился иностранный офицерский корпус спустя примерно поколение, через двадцать лет, к началу Северной войны и активного реформаторства повзрослевшего царя?

Состояние иностранного офицерского корпуса России на начало Северной войны мы можем оценить по спискам, которые фактически были «ведомостями на жалованье», являющимися частью расходной документации приказов, сведенной в окладную книгу Ближней канцелярии, которая отражает расходы приказов на 1701 г.²¹ К сожалению, эти списки тоже не полны: во-первых, они не называют пофамильно офицерский состав гвардейских полков (Преображенского и Семеновского); во-вторых, они не называют, как правило, по фамилиям пропорционеры, что тоже ограничивает наши представления о персональном и «фамильном» составе иностранного офицерского корпуса; в-третьих, они не разделяют «новокрещенов» от служивых иностранцев, не принявших православия; в-четвертых, они не везде указывают четко деление на русских и

иностранцев, что несколько искажает общие подсчеты; в-пятых, они включают ряд отставных и плененных под Нарвой офицеров, которые уже не находились на действительной службе. Однако они дают сведения почти по тем же категориям и рангам офицеров, что и «Список 1681 г.», это позволяет нам проанализировать их совместно и уловить некоторые тенденции, связанные с развитием иностранного офицерского корпуса за прошедшие со времени составления первых списков два десятилетия. Тем паче, что общий подсчет иностранных офицеров (с возможными некоторыми погрешностями) дает нам почти то же их число, что и в 1681 г., а именно – 637 офицеров. Естественно, что с учетом гвардейских офицеров-иностранцев и других неучтенных оно также должно быть несколько большим. Как ни странно, и по именам нам известно примерно такое же количество офицеров, что и в 1681 г. – 474 человека, что составляет 74,4 %, то есть три четверти утешного в списках иностранного офицерского корпуса (см. таблицу 2), являющихся в общей сложности представителями 363 фамилий.

Анализируя «ведомости» по тем же принципам, что и списки 1681 г., мы можем сделать следующие наблюдения.

Поделив их, как и ранее, на две группы по географически-этническому принципу, мы замечаем схожие тенденции (см. диаграммы 4 и 6).

«Незападноевропейская» часть иностранного офицерского корпуса сохраняет в списках почти те же пропорции, что и в 1681 г. К ней принадлежат 145 из 474 офицеров (30,6 %), представленных 121 из 363 фамилий (33,3 %). Как видим, «славяне» даже несколько сократили свою долю в структуре корпуса (приблизительно на 1,3 %), по более существенно – по фамилиям (почти на 5 %), что, видимо, отчасти явилось и следствием того, что в 1681 г. они не имели устойчивых династий и фамилии скорее пресекались. К 1701 г. ситуация несколько (но тоже незначительно) изменилась: средний коэффициент для них составляет 1,2 офицера на фамилию, что даже ниже показателя 1681 г. для западноевропейских офицеров (1,44 человека на фамилию), то есть они снова в основном представлены офицерами-одиночками. Однако теперь и для «незападноевропейцев» можно говорить о формировании династий – уже 17 фамилий (14% фамилий) имеют в офицерском корпусе двух и более представителей; если в «Списке 1681 г.» мы не регистрировали ни одной фамилии, где было бы более двух представителей,

то теперь таковые появляются – по меньшей мере 5 родов (Иваницкие, Островские, Селунские, Федоровы (которые могут быть и просто однофамильцами), Шинкеевы) имеют по 3 представителя в офицерском корпусе, а Роговские – даже 4 человека.

Как и ранее, в целом «незападноевропейцы» составляют около трети иноземного офицерского корпуса. Они по-прежнему уступают «западноевропейцам» и в статусе: их нет в составе генералитета, но в рангах полковников и подполковников их число возрастает до 23 из 128 (с 10,1 % в 1681 г. до 18 %). Таким образом, «незападноевропейцы» составляют уже почти пятую часть офицеров в этих рангах, что все-таки меньше их общей доли в составе офицерского корпуса (30,6 %). Их основным уделом по-прежнему остается служба в чинах «ротного» плана (от ротмистра до поручика), где они составляют 89 из 232 офицеров (38,4 %), то есть сохраняют почти тот же удельный вес, что и раньше. Однако их доля среди учтенных майоров существенно возросла – с 25 % до 38,1 %, и за истекшие двадцать лет они заметно укрепили свои позиции прежде всего в штаб-офицерских чинах.

Но, как и ранее, доминирующие позиции в иноземном офицерском корпусе в 1701 г. по-прежнему занимают офицеры-«западноевропейцы».

329 известных по именам офицеров-«западноевропейцев» (69,4 % учтенных офицеров-иноземцев) представляли 242 фамилии (66,7 % фамилий). Таким образом, их доля в офицерском корпусе практически не изменилась (выросла всего на 1,3 % по числу людей), но несколько увеличилась в составе фамилий (на 5,2 %, с 61,5 до 66,7 %).

Они по-прежнему решительно преобладают в иноземном офицерском корпусе, хотя доля их в штаб-офицерских рангах (от полковника до майора) несколько уменьшилась. Теперь они составляли 85,5 % полковников, 78,8 % подполковников и 61,9 % майоров. Но, тем не менее, высшие офицерские должности (в том числе и генеральские) оставались в основном вотчиной «западноевропейцев» – их доля в составе этих рангов была существенно выше, чем в целом в структуре иноземного офицерского корпуса.

Они по-прежнему отличаются и более четко выраженной устойчивостью отдельных родов. Средний коэффициент одновременно служащих в армии представителей одной фамилии, пусть и не существенно, но все-таки вырос до 1,49 человека. Однако число

фамилий с двумя и более представителями сократилось с 64 до 58 и составило 23,97 % от общего числа «западноевропейских» фамилий; 24 фамилии (9,9 %) имеют 3 и более представителей, что почти в два раза выше, чем по тому же показателю у офицеров-«славян» (4,96 %); 8 фамилий имеют от 4 до 6 офицеров (Гулицы – 6; Вестовы, Гордоны, Трейдены – по 5; Бордовики, Фаи Делдиты, Франки, Цей – по 4). Все это свидетельствует о том, что, с одной стороны, офицерский «западноевропейский» корпус пополнился и несколько размылся за эти двадцать лет за счет притока новых членов, но с другой – сохранил при этом достаточно устойчивое ядро из группы офицерских «кланов».

Последнее наблюдение подталкивает нас к проблеме преемственности и динамики иноземного офицерского корпуса. Верно ли представление о том, что он непрерывно менялся, резко обновляясь за счет притока новых «искателей счастья» из-за рубежа, а условия службы в России обуславливали своего рода «текучку» в нем?

Анализ структуры фамилий «западноевропейцев» в списках 1681 г. и 1701 г. показывает, что общими в них являются по меньшей мере 87 фамилий (41,8 % из общего числа в списке 1681 г.; 36 % фамилий – из списка 1701 г.), к которым принадлежали соответственно 48,8 % и 45,3 % офицеров. Следовательно, почти половина офицеров-западноевропейцев принадлежала к фамилиям, служившим еще в 1681 г., и «западноевропейский» офицерский корпус за эти двадцать лет не так уж существенно поменял свой состав, имея основой уже прочно осевшие в России офицерские династии, часть из которых восходила еще к «первому призыву» 1630-х гг. (например, Росформы и Лесли). Список встречающихся как в 1681 г., так и в 1701 г. фамилий следовало бы, конечно, расширить по меньшей мере на 3–4 фамилии: в нем не учтены в 1681 г. Гордоны (хотя Гордон служил уже генерал-майором); Брюсы – полковник Брюс, отец Якова и Романа, скончался за год до составления списка, а сами они были малолетними для службы; для начала XVIII в. – Кро и Трауэрнихты (между тем, полковник Захарий Кро был убит в 1700 г. под Нарвой²², а сын новокрещенного уже в 1681 г. генерала-немца Трауэрнихта полковник Дорофей Афанасьевич Трауэрнихт благодаря крещению уже интегрировался в российскую элиту и в 1701 г., будучи зятем еще не вынавшего из фавора А.А. Винюса, оказался воеводой в Енисейске, в Сибири²³). С их учетом, как минимум, 90–91 фамилия из списка 1701 г. (37,19 %);

эти фамилии представляли в 1701 г. 156 офицеров из 330 (47,28 %) и служили по меньшей мере с 1680 г. до 1700 г.

Следовательно, служба в России и ее материальное обеспечение, несмотря на все недостатки, связанные с приказной волокитой, видимо, была достаточно привлекательной для иностранцев. Естественно, гораздо более привлекательной для «верхов» офицерского корпуса, чем для его «низов»: жалование иноземного полковника на 1681 г. в 45–50 р. в месяц (даже с учетом третного, выплачивающегося в мирное время в меньшем объеме – в 221 р. 50 коп. – 246 р. 85 коп. в год)²⁴, державшееся почти весь XVII в. после понижения окладов в 1634 г.²⁵ и составлявшее в 1701 г. в объеме полного годового оклада сумму от 420 до 600 р. в год (третного – от 164 р. 50 копеек до 235 р.)²⁶, представляло не столь уж несущественную сумму. Если принять для первой четверти XVIII в. среднюю сумму ренты с одной души м.п., по подсчетам Б.Н. Миронова, в 54,8 коп. для 1700–1710 г.²⁷, то жалование полковника в 1701 г. в военное время по полному годовому окладу окажется эквивалентным доходу с помещичьего имения в 766–1095 душ, а в мирное время при выплате третного жалования, – с имения в 303–429 душ (что было сопоставимо с доходами по меньшей мере среднего слоя аристократии – так, например, в начале XVIII в. в Центральном Черноземье в среднем на один из 112 титулованных родов (по род, а не индивида) приходилось 372 души м.п.²⁸). Полковничьи доходы в среде русского дворянства были доступны лишь верхнему слою государева двора.

Поэтому формирование устойчивых династий иноземных офицеров на русской службе (особенно в верхах офицерского корпуса) неудивительно. Понятно также, что наиболее прочными из них являлись династии верхушки офицерского корпуса и «полкового штаба» – генералов, полковников и подполковников, что отражено в таблице 3, суммировавшей фамилии, представители которых хотя бы однажды служили в ранге полковников и подполковников.

Из таблицы 3 видно, что 28 фамилий из 90 формировали «полковничьи династии» (служившие в чинах от генерала до подполковника), или, иначе говоря, 31,1 % устойчивых фамилий (почти треть) можно отнести к «полковничьим». При этом 16 фамилий из них имели полковников и в 1681 г., и в 1701 г., то есть были чисто «полковничьими» – что говорит о существовании устойчивого ядра

элиты в иноземном офицерском корпусе. Если бы мы учли еще Траурнихтов и Вульффов (обе фамилии в конце 1670-х гг. дали генерал-поручиков – высший на тот момент ранг для офицеров-иноземцев, – а в 1701 г. все еще имели лиц в рангах полковников и подполковников), то число этих чисто «полковничьих» династий увеличилось бы до 18. Именно фамилии, принадлежащие к этому ядру, и не «вымывались» из списков – это были люди, прочно осевшие в России. В совокупности они дали в 1701 г. 48 высших офицеров из 113 (с учетом убитого под Нарвой Кро) офицеров-западноевропейцев этих рангов, то есть 42,48 % всех высших иноземных офицеров-западноевропейцев. Если же посчитаем только по генералам и полковникам – 32 из 61 (с учетом Кро), то есть 52,46 % всей элиты тогдашнего иноземного корпуса с западноевропейскими фамилиями, учтенного в списке 1701 г. Иначе говоря, «полковничьи» династии, которые составляли в списке 1701 г. всего 11,6 % всех западноевропейских фамилий (то есть чуть более одной девятой фамилий), дали более половины всех полковников и генералов-западноевропейцев, учтенных в списке 1701 г., и почти половину (45,7 %) всех полковников и генералов-иноземцев (32 из 70), составляя лишь 7,8 % всех иноземных фамилий, учтенных в списке 1701 г.

Все это показывает, что в иноземном корпусе за годы по меньшей мере с военных реформ Алексея Михайловича сложилась «военная аристократия», вероятно, затруднявшая и ограничивавшая возможности карьерного роста для других иноземных офицеров, и без того медленные (еще А.З. Мышлаевский отмечал «закупорку иноземческих производств» и крайне невысокие темпы продвижения иноземцев по службе даже для конца XVII в.²⁹). В этой «военной аристократии» доминирование западноевропейских офицеров было выражено еще более отчетливо. Позиции офицеров-«незападноевропейцев» в ней были слабее, чем в офицерском корпусе в целом – только 34 «славянских» фамилии одновременно встречаются в обоих списках, но при этом в 8 случаях есть основания полагать, что это не династии, а офицеры-одиночки, продолжавшие свою службу с 1681 г. по 1701 г., лишь несколько повысившись в рангах. Следовательно, лишь 24 фамилии из 121 (21,5 % фамилий) и 27 % офицеров сформировали «служилые династии» в среде «славян», но ни одна из них так и не сумела создать «полковничью» династию.

Таким образом, иноземные генералы и полковники имели, видимо, в России достаточно надежные механизмы для продвижения по ступеням военной карьеры своих сыновей и родственников, чему, вероятно, способствовали и традиции чиновничества русского общества, куда иноземцы все больше интегрировались, усваивая и используя его психологию и принципы коллективистской (а не индивидуальной) службы и производства «по отечеству». Челобитные иноземцев о производствах в ранги и выдаче жалованья нередко содержат вполне традиционные формулы и просьбы «выдать жалованье против *ево братьи*»; полковник Александр Ливинстон (Ливингстон) (один из тех офицеров, что не был учтен в списках), просящий награду за участие в обороне Чигирина, не стесняется писать: «...а которые де ево братья начальные люди чинами перемены, и тем начальным людем ево государево жалованье за оборону выдано, а *он перед своею братью оскорблен...*»³⁰. Конечно, это можно считать традиционными формулами делопроизводства, внесенными оформлявшими челобитные русскими писцами, но и А.З. Мышлаевский отметил как мотив для просьб самих иноземцев и основания производства в офицерские ранги заслуги родственников и отцов: «Матвею и Якову Трейденам велено быть в прапорщиках только потому, что они дети полковника Трейдена», Шиките Гадормскому велено быть в прапорщиках «за смерть отца ево Якова»³¹. Он отмечал также и случаи производства «через чин», официально запрещенные в 1672 г.³², но практиковавшиеся и позднее, особенно когда дело касалось «полковничьих» династий: так, уже упоминавшийся выше сын генерал-поручика А. Трауэрнихта Дорофей Афанасьевич Трауэрнихт был 8 ноября 1681 г. пожалован из ротмистров прямо в подполковники³³.

Именно эти механизмы и обеспечивали формирование полковничьих династий и их доминирование в жизни иноземного военного сообщества, а также и в целом прочное укоренение иноземческих служилых династий в России. В.А. Ковригина на середину 1660-х гг. определила население Немецкой слободы примерно в 1200 человек³⁴; судя по нашим данным, на начало 1680-х гг. только мужской «офицерский» его компонент иноземного корпуса должен был составить минимум 600 человек, к которым надо добавить не только членов их семей, но и 445 офицерских иноземческих вдов и сирот, получавших на 1681–1682 г. пенсионное обеспечение от государства³⁵. О прочном укоренении иноземцев-офицеров в

России свидетельствует и то, что к 1701 г. число последних выросло до 1035 человек, на содержание которых выделялось 8199 р. в год³⁶ (то есть в среднем примерно 8 р. на «пенсонера», что соответствовало месячному жалованию поручика). Таким образом, множество семей, потерявших кормильца, отнюдь не возвращались на историческую родину, а, вероятно (если сравнить их с известным составом офицерского корпуса), оставались в России. С учетом известных нам офицеров, в начале XVIII в. «офицерское» население Немецкой слободы (как сами офицеры, так и члены действительно служащих и уже выбывших из службы офицерских семей) должно было составлять, вероятно, не менее двух тысяч человек, и, судя по всему, она была преимущественно военной колонией постепенно оседавших в России иноземных наемников (С.П. Орленко также отмечал, что к последней трети XVII в. 70 % дворов в Немецкой слободе принадлежало служилым иноземцам³⁷). И главным результатом воздействия Немецкой слободы на формирование молодого Петра были не новые «европейские» культурные стандарты, перенимавшиеся на пирушках у иноземных купцов и в будуаре Анны Монс (они были в большей степени уже результатом Великого посольства), а *влияние этой иноземной офицерской среды*, персональный состав которой на тот момент в основном отражен в данных проанализированных нами списков. К моменту начала поездки царя в Слободу в начале 1690-х гг. она уже прочно укоренилась и «осела» в России и в значительной степени интегрировалась в русское общество. О последнем свидетельствуют и наблюдения О.Г. Усенко о сравнительно невысоком уровне конфликтности русского общества с населением Немецкой слободы, выразившемся, в частности, и в том, что в ходе ни одного из крупных социальных движений XVII в. после Смуты («Соляного бунта» 1648 г., «Чумного бунта» 1654 г., «Медного бунта» 1662 г., стрелецких восстаний 1682 и 1698 гг.) не было не только массовых погромов иноземцев и попыток уничтожить Немецкую слободу, но даже и не звучало призывов к этому³⁸. Процесс интернационализации российской элиты начался именно с этой иноземческой служилой среды – вплоть до конца своего царствования Петр опирался в высших эшелонах власти, в первую очередь, на представителей этого слоя «старовыезжих» иноземцев, и его ближайшими сотрудниками вплоть до начала 1720-х гг. оставались связанные с ним еще в юности Я.В. Брюс и А.А. Вейде, а отнюдь не Б.Х. Миних

или А.И. Остерман, и даже не генерал Л.-Н. Алларт, удерживаемые пока «на дистанции» и занимавшие второстепенные позиции.

Именно этот интегрированный в Россию слой «старовыезжих» иноземцев и доминировал в офицерском иноземческом корпусе России в начале Северной войны.

Этот корпус сформировался в основном еще к началу 1680-х гг., и, несмотря на процесс постоянного обновления (почти половина фамилий различается в обоих списках), оставался достаточно стабильным и консервативным. Структура его за эти двадцать лет изменилась незначительно – на $\frac{2}{3}$ он по-прежнему состоял из офицеров-«западноевропейцев», и лишь на $\frac{1}{3}$ – из лиц с незападноевропейскими фамилиями. Западные европейцы полностью доминировали прежде всего в наиболее важной его части – в высшем командном составе, в чинах генералов, полковников и подполковников.

«Традиционализм» иноземного офицерского корпуса отметил еще П.Н. Милюков, анализируя командный состав первых регулярных «новоприборных» полков 1700 г. – по его наблюдениям, все командиры 29 полков были иностранцами из числа «старовыезжих», по меньшей мере 26 из них известны по дневнику Гордона; по упоминаниям в дневнике, двое служили по меньшей мере с 1660-х, 6 – с 1680-х, 18 – с 1690-х гг.³⁹ В большинстве своем это были уже не кочующие «искатели приключений», а люди, родившиеся или проводившие большую часть своей жизни в России и так или иначе уже ощущавшие свою связь со страной и ее интересами.

Но сложившаяся ситуация имела и свои негативные стороны. Большинство из этих офицеров выросли и сформировались в русской среде, не имели опыта службы в современных европейских армиях, не были знакомы с их практиками, не участвовали в боевых операциях на западноевропейских театрах, и, таким образом, не имели необходимого современного стратегического и тактического опыта, а долговременная служба в полурегулярных полках «иноземного строя», распускаемых по окончании боевых действий, тоже не соответствовала новым потребностям управления частями в создаваемой регулярной армии. Кроме того, многие из них были физически просто стары. На низкое качество части офицеров «старых служб» обратил внимание Петра Ф.А. Головин при формировании первых новых солдатских полков в 1700 г. и фактически начал «чистку» иноземческого корпуса, «выбраковав»

целый ряд офицеров (по меньшей мере 150 человек⁴⁰, что, вкупе с потерями под Нарвой, вероятно, во многом объясняет и численное уменьшение «иноземческого корпуса» в 1701 г. в сравнении с показателями на 1696 г.). Необходимость обновления офицерского корпуса, а также недостаточная квалификация части иноземных офицеров стали еще более очевидными после поражения под Нарвой⁴¹.

Офицерский корпус, особенно в высшем его звене, настоятельно требовал притока «свежей крови» как из среды русского дворянства, так и из числа иноземных офицеров, имевших опыт службы в современных европейских армиях. И он вскоре последовал – после 1702 г. начался новый этап интенсивной вербовки иноземных офицеров, рассчитанный прежде всего на пополнение верхушки офицерского корпуса.

³⁹ Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII в. (Очерк из истории военного дела в России). СПб., 1899.

⁴⁰ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М., 2004; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656–1671. М., 2006; Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVII в. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 141–166; Лаптева Т.А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. Вып. 5. 1994.

⁴¹ Милюков П.Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 244–248.

⁴² Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 150.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 59–181; 628–655.

⁴⁴ Там же. Л. 64, 628.

⁴⁵ Там же. Л. 369.

⁴⁶ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 39.

⁴⁷ Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII в. С. 319.

⁴⁸ Опарина Т.А. Указ. соч. С. 149; Курбатов О.А. Указ. соч. С. 317–318.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 475–479.

⁵⁰ Там же. Л. 9.

⁵¹ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 38–39.

⁵² Даже для 1650-х гг., когда политика «перекрещивания» проводилась наиболее активно, эту тенденцию отметил О.А. Курбатов. Указ. соч. С. 317.

⁵³ Чернов А.В. Указ. соч. С. 189.

⁵⁴ ПСЗ. Т. IV. № 2319.

⁵⁵ Орленко С.П. Указ. соч. С. 50–51.

⁵⁶ Малов А.В. Указ. соч. С. 115–116.

- ¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 76–585.
²⁰ Орленко С.П. Указ. соч. С. 51.
²¹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 25–37; 46–50; 51 об.–55; 58 об.–60; 69–106 об.; 117–131 об.
²² История Свейской войны. Вып. 1. М., 2004. С. 208.
²³ Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус. М., 2007. С. 502–503.
²⁴ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 75–77.
²⁵ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 37–39.
²⁶ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 69–70.
²⁷ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 248. Таблица V.6.
²⁸ Подсчитано по: Черников С.В. Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России. Рязань, 2003. С. 104.
²⁹ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 41–42.
³⁰ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 7–9, 498, 521, 564, 619, 432.
³¹ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 41.
³² Там же.
³³ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 348–351.
³⁴ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 122.
³⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 630. Л. 423–428.
³⁶ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Ч. 8. Л. 6–6 об.
³⁷ Орленко С.П. Указ. соч. С. 51.
³⁸ Усенко О.Г. Отношение к «немцам» в России XVII века (на примере движений социального протеста) // Иноземцы в России в XV–XVII в. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. С. 399.
³⁹ Милюков П.И. Указ. соч. С. 104, примеч. 2.
⁴⁰ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. IV. М., 2007. С. 195–197.
⁴¹ Черников С.В. Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII века // Cahiers du monde russe. № 50/4, octobre-december 2009. P. 708.

Таблица 1. Состав иноземного офицерского корпуса по спискам 1681 г.

	генерал-поручики	генерал-майоры	полковники	подполковники	майоры	ротмистры	капитаны	поручики	прапорщики	итого
1. Офицеры-западноевропейцы	1	1	49	40	39	30	48	50	53	301
доля в составе	100	100	94,2%	85,1%	75%	62,5%	53,9%	79,4%	60,2%	68,1%
2. Офицеры-незападноевропейцы			3	7	13	18	41	24	35	141
доля в составе			5,8%	14,9%	25%	37,5%	46,1%	38,1%	39,8%	31,9%
3. Всего	1	1	52	47	52	48	89	74	88	442

Таблица 2. Состав иноземного офицерского корпуса по спискам 1701 г.

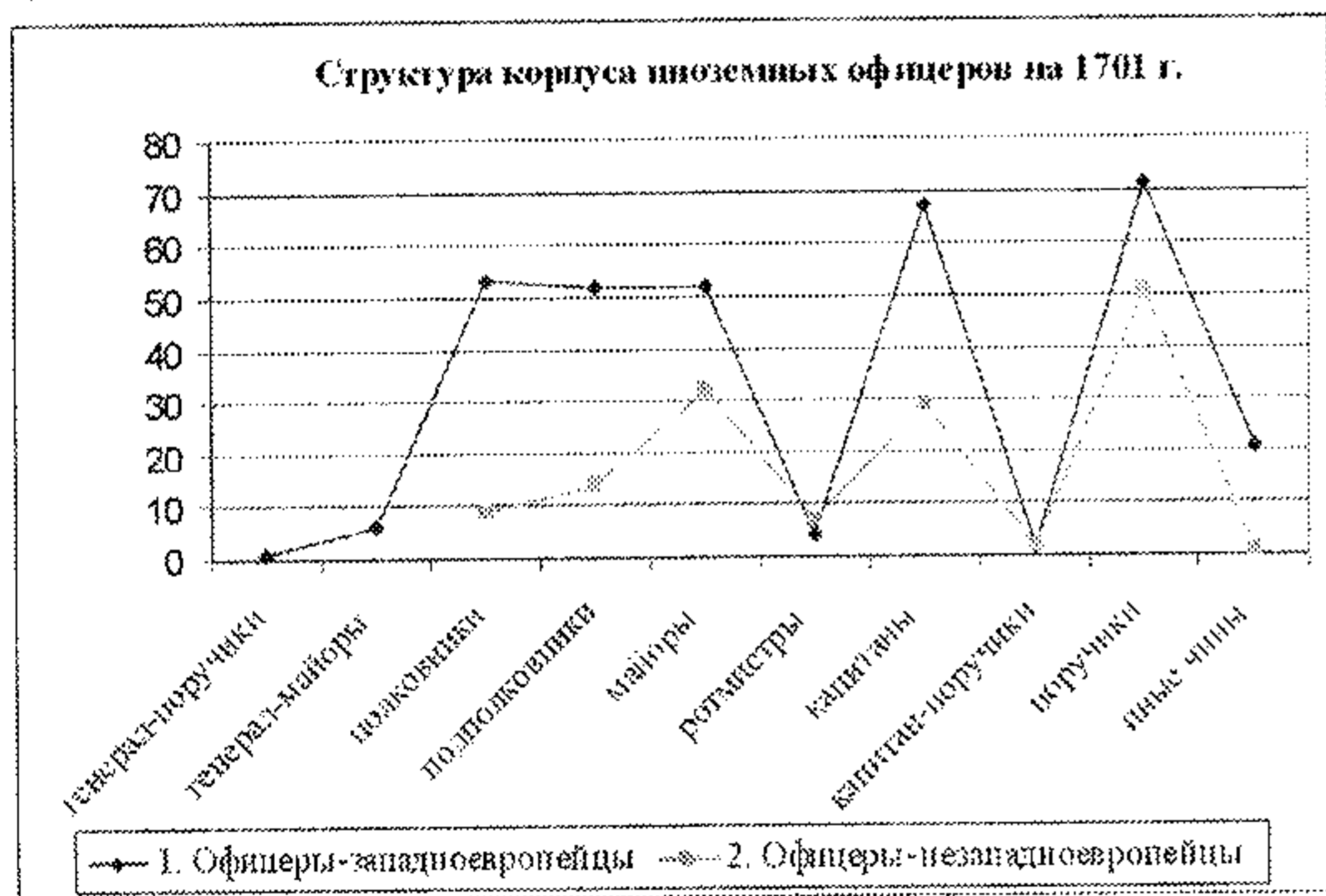
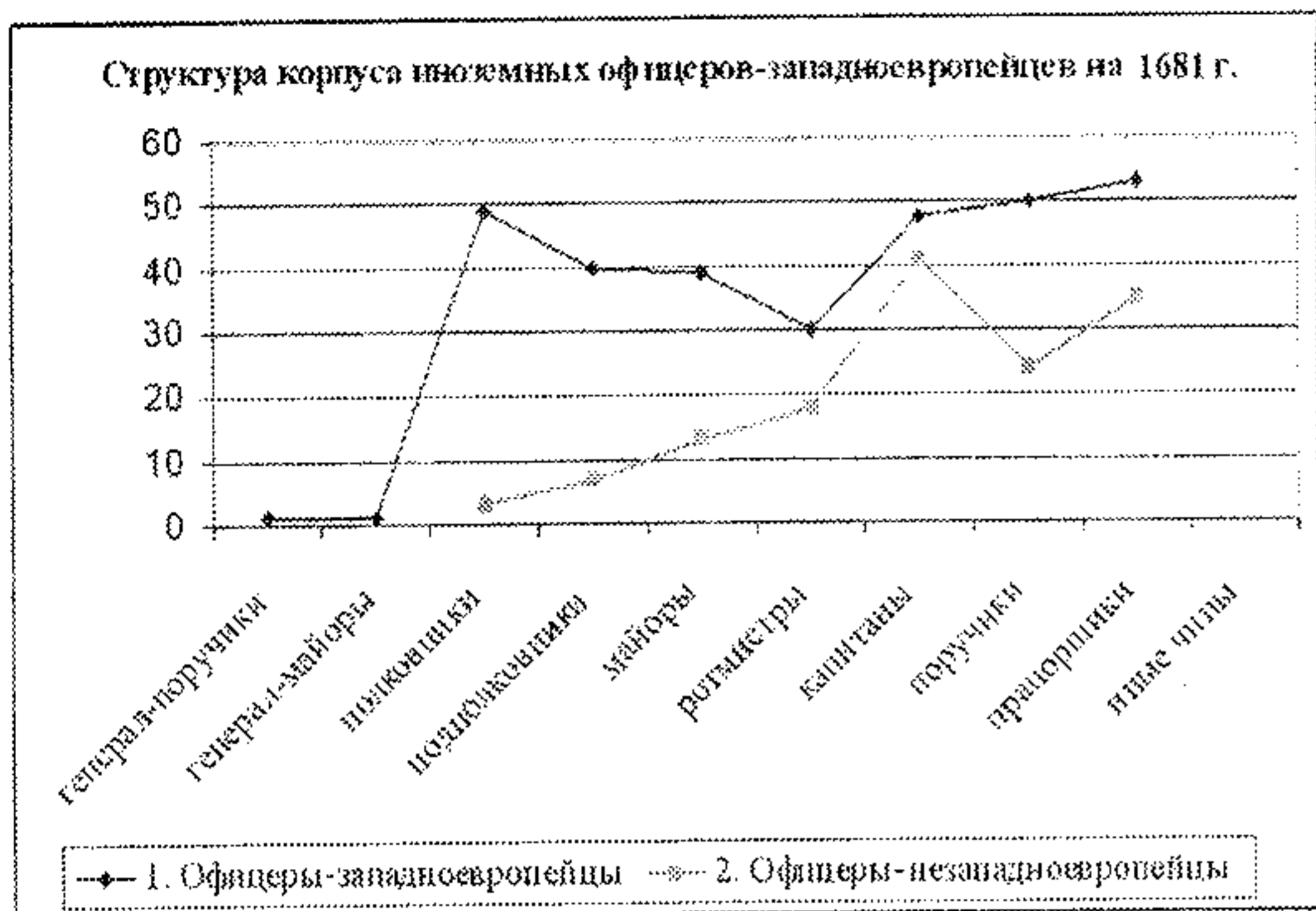
	генерал-поручики	генерал-майоры	полковники	подполковники	майоры	ротмистры	капитаны	капитан-поручики	поручики	иные чины	итого
1. Офицеры-западноевропейцы	1	6	53	52	52	4	67	2	71	21	329
доля в составе	100%	100%	85,5%	78,8%	61,9%	36,4%	70,5%	50%	58,2%	95,5%	69,4%
2. Офицеры-незападноевропейцы			9	14	32	7	29	2	51	1	145
доля в составе			14,5%	21,2%	38,1%	63,6%	30,5%	50%	41,8%	4,5%	30,6%
3. Всего	1	6	62	66	84	11	96	4	122	22	474

Таблица 3. «Полковничьи» фамилии в иноземном офицерском корпусе в 1681–1701 гг.

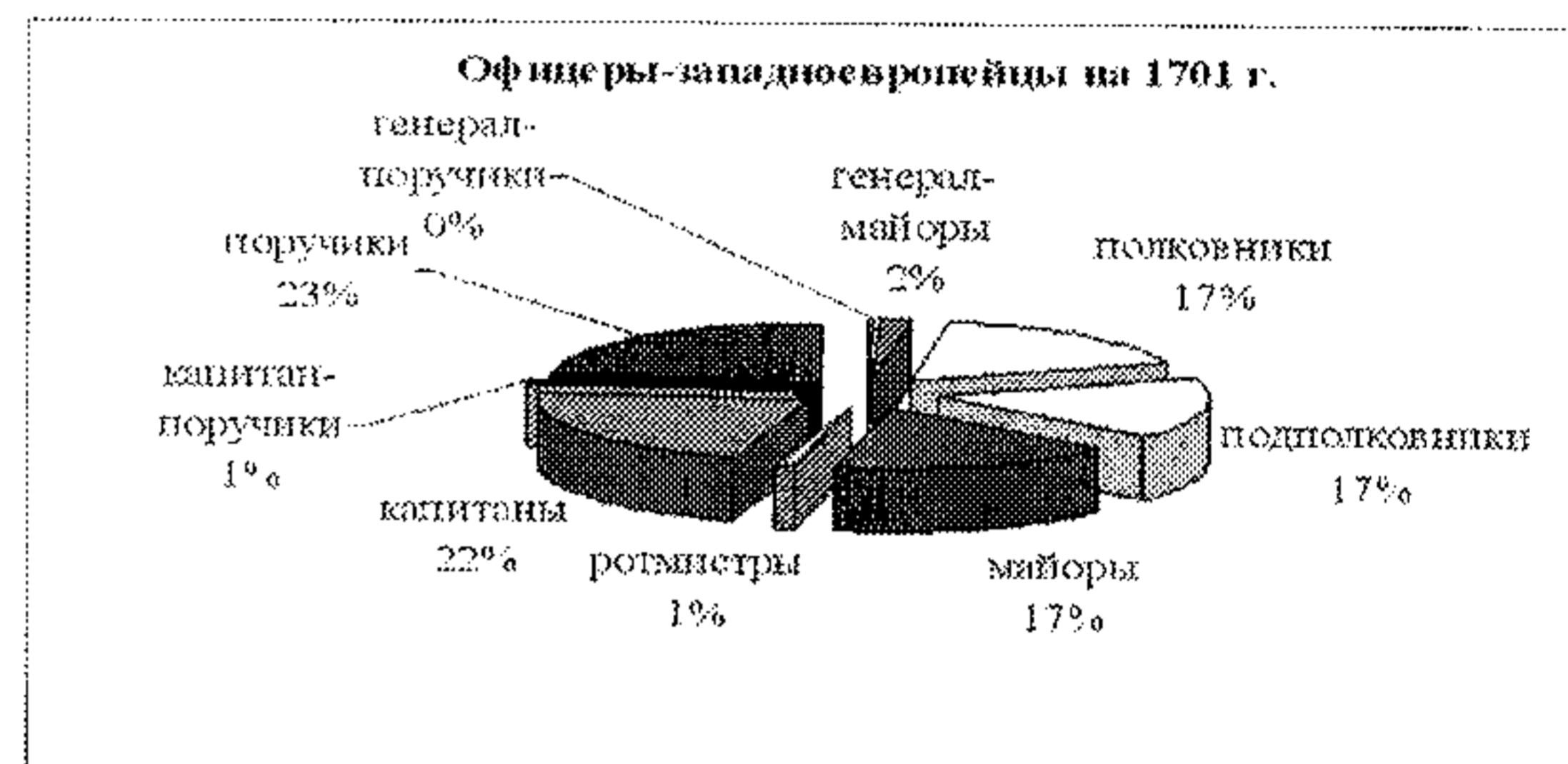
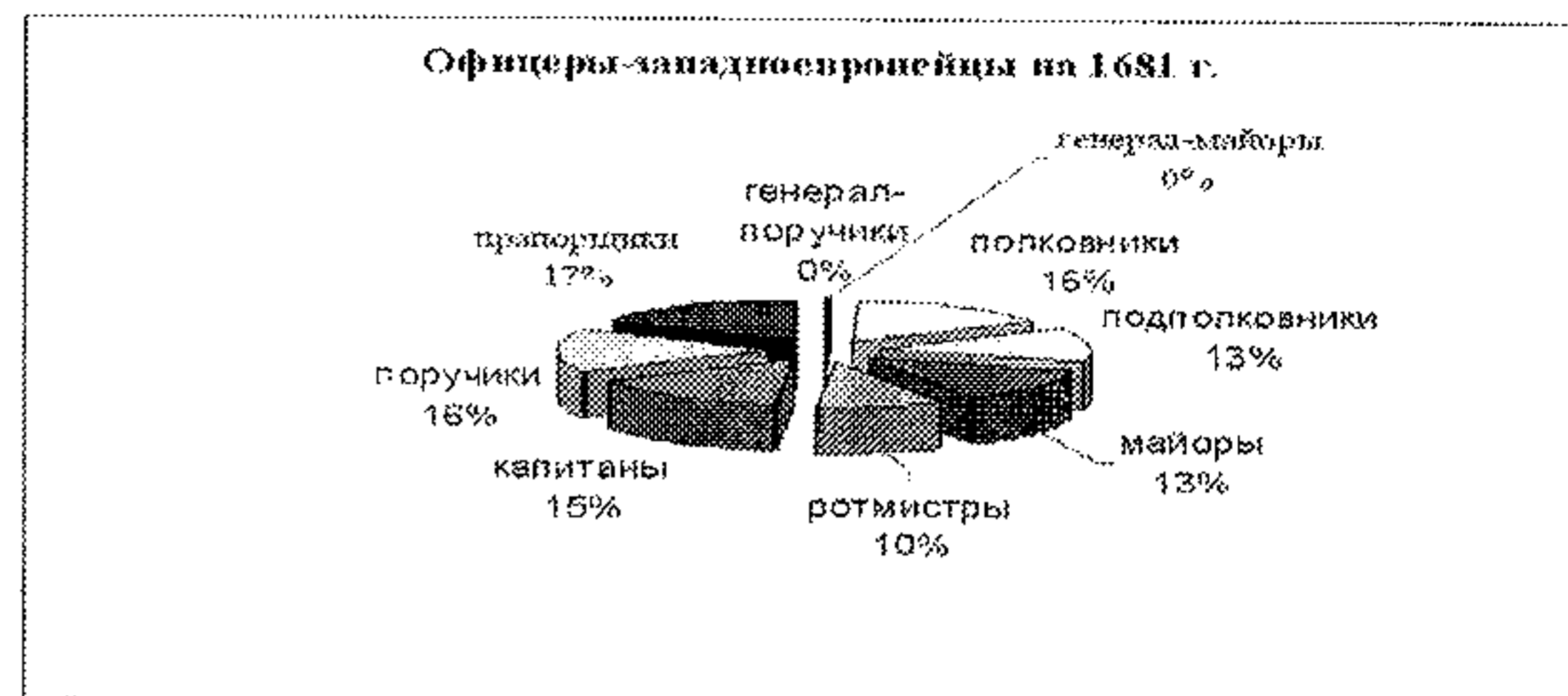
	генералы	полковники	подполковники
1 Балки		2	1
2 Бальсирт			1
3 Бильсы		1	1
4 Бордовики		1	1
5 Буларты		1	1
6 Буши		2	
7 Вестовы		3	
8 Вульфь			1
9 Глассенцухы		1	1
10 Гулицы	1	3	1
11 Гурьки		1	
12 Бутеры		1	
13 Мезры		1	
14 Минстерманы		1	
15 Полманы (Болманы)	1		
16 Рьдеры		1	1
17 Фан Вердены		2	
18 Фан Дервидены			1
19 Фливерки			1
20 Франки		1	
21 Цен	1	1	1
22 Шарфы	1	1	
23 Шварты			1
24 Шниттеры			1
25 Юнкманы		1	
26 Кро		1	
27 Гордоны		1	1
28 Брюсы	1		1
итого	5	27	16

* жирным шрифтом выделены фамилии, имевшие полковников в обоих списках

Диаграммы 1-2

Диаграммы 3-4

Диаграммы 5–6

